

ЮРИЙ ГРАНИН

«Глобализация» или «вестернизация»?

О нелинейности исторических форм
объединения человечества

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование *транс-*, *интер-* и *наднациональных* финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идет таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для стран «большой семерки» во главе с США оборачиваются значительными потерями для многих других, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают страны? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее

односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя, неолиберальная, волна глобализации побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобальных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридации». В теоретическом плане решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

Что такое глобализация?

Невзирая на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х годов, уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в ее реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. В отечественной литературе эта тенденция

ГРАНИН Юрий Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиандустрии, доктор философских наук.

была замечена В. Иноземцевым, остроумно сравнившим «теорию глобализации» с религиозной доктриной: «...поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу». К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть не что иное, как «вестернизация» — начавшиеся с середины XV века *«экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»*¹.

Оставляя пока в стороне вопрос о продуктивности отождествления «глобализации» с «вестернизацией», обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок. Своеобразие их, в свою очередь, объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой — конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о «движущих силах» и «субъектах» глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи «универсально-эволюционизма» и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, «глобализацию» истолко-

вывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы»² или как *«целевую функцию»* нелинейного процесса самоорганизации «социальной системы» в «суперсложный организм — Мегасоциум». Тот, в свою очередь, будучи «представлен локальными социальными организациями (социумами)», «имеет идеальную программу жизненного цикла: «проходит стадии зарождения, роста и умирания»³. В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания, глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющих циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного, и они неудачны. Причем не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики⁴, так и проблемы «универсального эволюционизма». Ее, не без оснований, считают метафорой для «обозначения традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже

² А. Н. Чумаков. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 407.

³ Э. Азроянц. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 65, 66, 248, 250.

⁴ См. «Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы “круглого стола”)». — «Вопросы философии». 2006. № 9. С. 27, 31–33.

⁵ В. В. Казютинский. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма. — «Философские науки». 2006. № 7. С. 93–94.

¹ В. Л. Иноземцев. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация. — «Вопросы философии». 2004. № 4. С. 58, 60.

не осознаются»⁵. Поэтому большинство исследователей предпочитает работать в пределах традиционных, социологических, истолкований истории человечества, в рамках которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких*, противостоящих друг другу *тенденций истории*, либо как *одна*, результирующая, *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как «локализация», «национализация» и «регионализация», ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, ...порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти»⁶. Во втором случае, по сути, тот же самый процесс — изменение пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами — интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности).

На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают:

— развитие науки и техники, «техносферы» (техницистский подход);

— развитие экономической (капиталистической), политической или культурной «мир-системы» (миросистемный подход);

— распространение (столкновения) «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход);

— «модернизацию» обществ по линиям: «аграрное — индустриальное — постиндустриальное» или «традиционное — общество модерна — постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной, западной, модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «Центр» и отсталую «Периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами; второй — к XIX столетию, веку индустриальной революции и формирования мирового рынка; третий — к середине XX века, эпохе НТР и международных организаций. Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции, или Осевому времени⁷. В этих

⁶ Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перрагон. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 19. Под «потоками» авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под «структурами» — «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти» (*Там же*).

⁷ Подробнее см.: В. М. Хачатурян. Возможна ли глобальная история? (По материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло, 2002). — «Цивилизации». Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.

случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически-волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций»⁸.

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовки периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходящий из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию *как мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность*, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь вовремя снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма. Лучшим лекарством от этого была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

⁸ В. И. Пантин. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 6.

Глобализация как путь к единству истории человечества

Точка зрения социальной философии, и шире — философии истории, определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. Бытие объективно и непреложно, но оно не дано нам помимо наших собственных, в том числе интеллектуальных, усилий. Впервые этот парадокс сформулировал Р. Декарт в своем знаменитом высказывании «*cogito ergo sum*», смысл которого не в том, что мышление продуцирует Бытие из самого себя, а в том, что оно каким-то глубинным образом сопричаствует бытию и в той или иной мере удостоверяет Бытие для нас. Впоследствии эта интуиция получила определение диалектического единства «онтологии» и «гносеологии». А в XVIII—XIX столетиях усилиями выдающихся умов была глубоко проработана мысль об истории как деятельностном историческом единстве и Бытия, и сопричастного ему Сознания, в котором Сознание (Разум), будучи теснейшим образом связано с питающей его социокультурной средой, активно участвует в качественных изменениях исторического процесса. При этом сам исторический процесс понимался как социально и культурно оформленная совместная (предметно-практическая и духовная) деятельность сплоченных в группы людей.

В данном контексте это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории,

подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества — это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) между объединенными в малые и крупные, социальные, политические и социокультурные целостности *индивидами* — «обществами» (социумами), «государствами» и «цивилизациями», — но и *внутренняя* история возникновения, развития и исчезновения этих государств, обществ или цивилизаций.

Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированными от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны. Как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (культурно и политически связанных) целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект)*, но и *как сопутствующая и детерминирующая этот*

процесс предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этносы», «нации»), государства и цивилизации индивидов. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировала их распространение в пределах и за пределы регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким социально-философским способом понимание глобализации как мегатенденции к объединению человечества — предельно общая, но совсем не пустая абстракция. Ее использование в дисциплинарных исследованиях способно нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместное сведение глобализации к экономической, политической или какой-либо другой из многих сторон («составляющих») исторического процесса. В качестве мегатенденции истории человечества, способом существования которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокуп-

ность процессов «экономической» (торговой, финансовой, производственной и др.), «политической» (военной и дипломатической) и/или «культурной» (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и в разные исторические эпохи.

Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов: учитывать, что в длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друга друга исторических форм. Их источником обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием — исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними⁹ и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни.

Обобщая, можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М. Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на пол-

ноту, рассмотрим основные этапы этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

Глобализация versus вестернизация

Как уже отмечалось, в зависимости от исходных трактовок могут быть построены самые разные исторические периодизации и соответствующие им исторические формы глобализации, в том числе относящие ее начало и в глубокое прошлое — к временам распространения по Земле биологического вида *homo sapiens*. Начиная с «неолитической революции», вся известная нам история вида *homo sapiens* — это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях, в том числе и человеческие, ресурсы, удержать которые достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных (для них) норм общежития.

Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже — этнические, имперские и собственно национальные государства. В их пределах — сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» — осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности*. Территориально,

⁹ Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций.

экономически, культурно и/или политически связанные в «общества» (племена, союзы племен, этносы и нации), группы людей эмоционально-символически и концептуально идентифицировали себя как одно целое и стремились распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий. Их следствием, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий.

В любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус «мировых» ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею «человечества» и его антропобиологического единства — субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение «человечества» в глобальную целостность — философ-

ски и политически фундированным «проектом»¹⁰.

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами. Конкуренция между ними неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущим за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидов. По сути дела, *социально-политическая история глобализации — это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй. А затем — и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силой государственных форм территориального контроля, но и создавшими новые «анонимные» системы власти — транснациональные организации и многонациональные корпо-*

¹⁰ В качестве цели исторического развития идея политического и иного объединения человечества почти всегда присутствовала в сочинениях философов, составляя неотъемлемую часть их философского наследия. Особенно ярко эта связь обнаруживается в работе И. Канта «О вечном Мире» и трудах К. Маркса, последовательно выдвинувших проекты всемирной «федерации государств» и безгосударственного коммунизма как «обобществившегося человечества». Сегодня эти и схожие с ними идеи не только не утратили актуальности, но и активно используются в современном глобализационном дискурсе.

рации. Иными словами, становление всемирной истории — противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В данном случае учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение. Оно подчеркивает ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII—XIX столетий, сопутствующими ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации Мира. Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, — единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX — середины XX столетия. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух, достаточно спорных, гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения «центра» мирового развития с Востока на Запад и идее «однополярного мира», разделенного на экономически, научно-технически, военно-по-

литически, культурно доминирующей «центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII — XIX столетиях особой традиции (иначе — «стиле») европейского мышления. В 1970—1980-х годах в трудах арабомусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов она получила название «ориентализм»¹¹.

Эта свойственная всей европейской культуре традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного» и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе нее выковывалась «европейская идентичность» «белого человека», формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем-то само собой разумеющимся. Специфика ориен-

¹¹ «Ориентализм, — писал в 1978 году в одноименной книге Эдвард Саид, — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”» (цит. по: Э. Саид. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 9).

тализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми и их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» — системой их репрезентаций (представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях), которые сам для своих нужд и создал¹².

Солидаризуясь с этим наблюдением, добавлю, что и «Восток» всегда имели имеет дело не с Западом «как таковым», а с его многочисленными «репрезентациями», в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому, отдавая должное исследованиям ученых-реориенталистов, результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности «оксидентализма»¹³ и перемещать «центр» прошлого (и современного) глобального развития из Европы в Азию. «Белые мифологии»¹⁴ ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азиоцентризм» не лучше «евро-» и «западо-» центризмов.

¹² Подробнее см. Э. Саид, Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 78—114.

¹³ Оксидентализм — оборотная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.

¹⁴ Именно так — «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» — называется обобщающий труд по ориентализму А. Янга, в котором он, ссылаясь на Э. Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме» (см. R. Young, *White Mythologies. Writing History and the West*. L.; N. Y., 1990. P. 14).

Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний. А они свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами, и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей

Глобализация была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития.

с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История — нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была (и остается) результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития*¹⁵.

¹⁵ В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

Итогом таких попыток оказывались временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя». Именно империи на каждой из выделенных стадий глобализации были мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве «лидеров», на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и «евроатлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полосы» регионального и межрегионального развития.

По справедливому замечанию А. Франка, перемещение «центра мира» — колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»¹⁶. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII века н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XV века) была Азия. Ее крупнейшие империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния.

¹⁶ **A. G. Frank.** ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley; Los Angeles, 1998. P. 1.

Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая в Англии стала известна лишь 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Там существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система. К XIV веку в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII века. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, происходившая в Англии в XVIII веке, в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив жизнедеятельность гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза таким основам, сплотивавшим социумы, как традиционное мировоззрение и культура¹⁷, деспотизм, сакральный характер имперской власти в мусульманских странах и многое другое. Как бы то ни было, начиная с XVI века глобализационный порыв крупней-

¹⁷ Самый впечатляющий пример — добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями отказ Китая на долгое время после 1433 года от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин.

ших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого Османской империей «исламского мира», последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли этим странам, приспособившись к нынешней, в большей мере скроенной по американским лекалам вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобальных стратегий.

Глобализация как синтез

Разумеется, шансов войти «на равных» в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы их глобальных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера со-

четания этих (западных и собственных) форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от *весьма высокого* уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до *незначительного* ее уровня, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания; но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желавшие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности

политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а, прежде всего, патриоты. ...Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»¹⁸, сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.).

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995—2009 годы. Быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост. В России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Таким образом, у китайцев явно есть чему поучиться — прежде всего тому, как отстаивать свои национальные интересы. Для руководства этой страны поиск более выгодных условий на международном рынке менее

важен, чем участие в принятии решений о правилах игры на этом рынке. Китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. Итогом реализации такой национально ориентированной позиции стал поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по их уровню занимает второе место после США.

Секрет этого успеха — в сохранении роли государства в экономике. Эта роль особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаний мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997—1998 годов не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами ЮВА, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате оказалось, что лидеры модернизации, «азиатские тигры», стали менее привлекательными партнерами для мировых ТНК, а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, а не «утверждение демократии», они заинтересованы в стабильном правительстве. Именно благодаря его усилиям в стране взят курс на китаизацию продукции ТНК (использование в сети «Макдоналдс» элементов китайской кухни и пр.), что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии. Такими результатами вряд ли может

¹⁸ В. Г. Буров, В. Г. Федотова. Китайский опыт модернизации: теория и практика. — «Вопросы философии». 2007. № 5. С. 18.

похвалиться какой-нибудь другая страна «полупериферии».

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е годы к отказу от регулирующей системы над импортом, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. Индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980—1990-е годы уровень экономического развития Индии изменился мало. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справиться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

Правда, в первое десятилетие нового века экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 году показателей Китая со своими впечатляющими темпами роста в 9,1 процента, Индия с тех пор постоянно замедляет развитие. В 2010 году ее темпы роста снизились до 8,8 процента, в 2011-м — до 7,1, а прогноз на 2012 год составлял 6,9 процента. Индия не только не су-

мела обогнать по этому показателю Китай — она снова последовательно отстает от него на 1—2 процента. А поскольку по показателям на душу населения КНР превосходит Индию в два с лишним раза, слабые показатели индийского роста оптимизма не внушают.

В то же время доминирующая уже более тридцати лет неолиберальная версия глобализации не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как одномерный процесс, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечают исследователи, в этой стране существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка.

В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться в условиях глобализации. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В конце концов ряд из них удавалось решать успешно.

Прочие страны мира скорее приспосабливаются к евроатлантической

(неолиберальной) глобализации, чем выработывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается успешно — как, например, у аравийских монархий; у других — например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары — не получается совсем. Причины того и другого обусловлены не только национально-культурными особенностями, но главным образом — востребованностью ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Между тем по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовывается перспектива создания треугольника «Россия — Индия — Китай»

как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. Следовательно, будущее глобализации еще отнюдь не предопределено. И может случиться, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии». ◆